

Н.К.Кисовская

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ И «ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ»

Возможно ли превращение российских партий в главный инструмент расширения и качественного укрепления демократии, как это произошло в свое время на Западе?

Прежде всего бросается в глаза разительное несовпадение культурных и институциональных сред, в которых действуют политические силы в странах Запада и в России. Если в первых политическая культура, а также законодательство признают за партиями роль важнейшего субъекта политики, то в нашей стране, не говоря уже об отсутствии демократической политической культуры, само институциональное пространство предопределяет малую эффективность их деятельности.

Вместе с тем при анализе функционирования современных партий на Западе и в России можно выявить любопытные параллели. Если судить по формальным признакам, развитие партий у них и у нас в одном аспекте находится в противофазе, в другом – совпадает по фазе. В первом случае мы имеем в виду наметившийся в развитых странах процесс размывания формы партий, эволюции к модели движения. Напротив, в России, если брать примерно десяток наиболее крупных и узнаваемых политических организаций, налицо тяга к созданию партий с развитой оргструктурой и строгой дисциплиной. Партиями стали «Демократический выбор России» (ДВР), движение «Реформы – новый курс» во главе с В.Шумейко. О намерении создать партии заявили и лидеры победивших на думских выборах 1999 г. блоков «Единство» и «Союз правых сил». Наиболее серьезную трансформацию в этом направлении пережило движение «Яблоко». Задумывавшееся как федерация региональных организаций с большой долей автономии «Яблоко» в 1999 г. конституировалось в партию с индивидуальным членством, кандидатским стажем, освобожденным партаппаратом и запретом на двойное членство. Таким образом, некоторые политические силы пытаются отойти от партии вождистского типа, партии – избирательного штаба, взяв курс на работу в массах. Они стремятся создать региональную сеть, заниматься обучением не только столичных, но и местных кадров, наладить издание своей печати. Вместе с тем многие партии независимо от политической ориентации не всегда последовательно внедряют демократические формы внутренней организации.

Эволюция от движений к партиям, вероятно, более соответствует российским реалиям. Учитывая масштабность проблем, в частности, необходимость повсеместной и повседневной работы в широких

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

массах по их «обучению» демократии, партия является более приспособленной для этого формой организации. Однако политическим лидерам придется преодолевать идиосинкразию в отношении такого рода деятельности: за последние годы численность «партийцев» увеличилась весьма незначительно – с 1 до 1,8% и находится практически в зоне статистической погрешности¹.

¹ Известия. 12.10.1993; Аргументы и факты. 1999. №36.

Впрочем, превращение движений в партии кардинально не меняет положение вещей. Большинство политологов отмечают кризис российских политических организаций, вызванный внешними и внутренними причинами. И в этом случае развитие отечественных партий напоминает ситуацию на Западе, где в их функционировании также наблюдаются кризисные явления. Разумеется, содержательная сторона и последствия кризиса у них и у нас совершенно разные.

За десять последних лет политические организации в России не решили ни одной проблемы, с которыми столкнулись при своем возникновении. Они по-прежнему являются институтами, наименее востребованными и не пользующимися доверием населения. Судя по опросам ВЦИОМ, в 90-е годы партии занимали одно из последних мест среди других органов власти и общественных организаций по уровню доверия, которое порой не превышало 1%. Существенно также, что в сознании граждан слабы представления о том, какие политические партии и движения выражают правые, центристские или левые взгляды².

² Сегодня. 20.11.1998.

Сохранилась и избыточная диверсификация на политическом рынке. Число общенациональных партий, зарегистрированных министерством юстиции, в 1993–1998 гг. увеличилось с 36 до 95, а вместе с региональными их около 300. После перерегистрации право на участие в выборах 1999 г. получили 139 партий и движений. Но этот показатель меньше, чем в 1995 г., когда таким правом обладали свыше 250 политических организаций. Сказалось принятие законов, ограничивающих число желающих соревноваться в избирательном марафоне.

Однако в целом долгожданный политический плюрализм оказался непродуктивным с точки зрения формирования эффективной партийной системы: тенденция к сплочению и укрупнению политических сил, представляющих одну идейную нишу, не обозначилась. Большая часть партий-однодневок вообще не представляют никого, кроме своего лидера; их единственной целью остается его проталкивание либо по мажоритарному округу, либо в федеральный список любого блока, имеющего шансы на прохождение в Думу.

Но и более заметные политические организации не решили ряд острых вопросов, прежде всего проблему репрезентативности. В отличие от КПРФ, аграриев, партии Жириновского, численность которых, по их собственным оценкам, составляла соответственно 500, 200, 100 тысяч человек, демократическим силам не удается заметно расширить свои ряды: ДВР в 1997 г. насчитывала 7 тысяч, «Яблоко» – 4 тысячи членов³.

³ Коргунок Ю.Г. Тенденции партийной жизни России (лето 1997 г.) // Полития. 1997. № 2. С. 95; Независимая газета. 20.02.1999.

Еще более серьезной является проблема социальной представленности и идентификации отечественных партий. Если на Западе партии в свое время возникли на основе оформленных интересов, то в России они, как правило, создавались сверху, вокруг той или иной фигуры. Социальная неукорененность побудила силы разной политической ориентации к созданию фланкирующих организаций среди военных, женщин, молодежи, предпринимателей. Однако в целом эта деятельность не привела к установлению прочных связей, а скорее к политизации групп интересов, их «растаскиванию» по разным политико-идеологическим лагерям. Отсутствие прочных социальных корней у большинства российских политических организаций стимулировало активное участие в выборах 90-х годов «организаций интересов», таких как Аграрная партия, Партия пенсионеров, блока «Женщины России» и т.п.

Для большинства относительно заметных движений нерешенной остается и проблема превращения в подлинно общефедеральные организации. Разветвленную региональную сеть, унаследованную от прошлого, имеет только КПРФ, формально имел ее НДР. Остальные сталкиваются с большими трудностями, пытаясь распространить свое влияние за пределы столицы. По признанию лидеров ДВР, он создал отделения в 20–25 районах субъектов федерации, ЛДПР занимает сильные позиции в 4–5 областях. Многие (в том числе представленные в Думе) партии не располагают сильными региональными отделениями, способными самостоятельно, без поддержки центра выдвигать кандидатов в депутаты органов местной власти, вести агитацию и мобилизацию в их поддержку. В последнее время в стремлении закрепиться в регионах они столкнулись со сложившимися авторитарными или полуавторитарными режимами на местах. В зависимости от своих идейных предпочтений губернаторы и созданные ими региональные партии благоволили к одним политическим силам, практически лишая другие возможности функционировать. Проявлением заметно возросшей роли региональных элит и их намерения установить контроль над законодательной властью на местах стало активное участие в избирательной борьбе 1999 г. губернаторских блоков. Они составили прямую конкуренцию партиям, заставив их бороться за свою благосклонность. Представляется, что на нынешнем этапе партии в основном проиграли битву за регионы.

Кризисное состояние партий оказало воздействие и на «качество» партийной системы в России. Одни исследователи определяют ее как трехполюсную, другие говорят о тенденции к созданию двухпартийной системы. Учитывая, что будучи многопартийной, она тем не менее по существу биполярна, можно согласиться с тем, что наблюдаются признаки формирования двухпартийной системы. Весьма специфичная, она, в отличие от существующих в странах Запада, не гарантирует стабильности. Наиболее драматичным в рамках избранной парадигмы развития является отсутствие авторитетной правой или

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

правоцентристской силы, которая могла бы консолидировать элиты. Заменявшие ее так называемые партии власти, создаваемые под эгидой президентской администрации, до сих пор были временными образованиями и действовали, пока не лишались высочайшего покровительства.

На противоположном фланге российской двухпартийной системы находится КПРФ. Превратившись в последние годы в системную оппозицию, компартия по своим программным установкам остается антисистемной силой, ее лицо определяют державно-патриотические и националистические группировки. Хотя перед КПРФ в принципе не закрыт путь социал-демократизации благодаря наличию в ней социал-демократических элементов, решить эту проблему, как и проблему идентичности в целом, она может только путем раскола, ослабления и потери своего места в левой оппозиции, что удерживает руководство партии от разного рода размежеваний.

В целом сложившаяся в России конфигурация партийной системы создавала в 90-е годы ситуацию крайней неопределенности. Лишь исход выборов 1999 г., на наш взгляд, сулит стабилизацию, хотя и не гарантирует упрочения демократических основ политической системы. В этом плане отечественная ситуация кардинально отличается даже от положения в ряде стран бывшего социалистического лагеря. Несмотря на то, что партии и там занимают последнее место среди других институтов по уровню доверия (так по крайней мере было до середины 90-х годов), не решились проблему социальной идентификации и пр., в этих странах наряду с другими силами оформились правобуржуазные и социал-демократические партии, сложилась относительно устойчивая партийная система, уже пережившая ротацию. Там налицо внешние признаки нормальной западной политической модели. Свою роль в этом, вероятно, сыграли многие факторы: традиции, сохранившаяся историческая память, иной характер проведения реформ, в частности приватизации, которая не привела к поляризации общества и не только не сопровождалась исчезновением прежнего подobia среднего класса, но и способствовала постепенному складыванию буржуазии.

Возвращаясь к вопросу о кризисе партий, следует отметить, что его последствия на Западе и в России диаметрально противоположны. На Западе партии уже выполнили свою историческую миссию, создав развитое гражданское общество, устоявшиеся демократические институты и адекватную политическую культуру. При этом, видоизменяясь, западные партии скорее всего формально сохраняются в политической системе. Кризис партий в России может привести к тому, что их место займут или заметно потеснят политизированные группы интересов, общественные движения. Многие политологи видят главную угрозу развитию российских партий именно в группах интересов, связанных со структурами исполнительной власти и имеющих возможность реализовывать свои цели непосредственно, минуя институ-

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

ционализированные каналы. Важные функции партий могут взять на себя СМИ, о чем свидетельствует опыт последних избирательных кампаний, когда они сыграли главную роль в агитации и мобилизации электората. Но оттеснение партий на периферию политики чревато усилением опасных тенденций – дальнейшей фрагментацией и корпоративизацией российского общества, еще больше сужающими сферу применения демократических процедур, ведущими к выхолащиванию демократических институтов и возникновению специфического типа урезанной демократии.

На нынешнем этапе невозможно говорить о приближении российских партий к западным моделям. Ни по существу, ни по функциям они не стали важнейшими элементами демократического устройства и проводниками демократических ценностей. Развитие отечественных партий, таким образом, не повторяет и не может повторить путь, пройденный ими в развитых странах.

При определенных обстоятельствах (экономический рост и институциональная реформа в направлении создания президентско-парламентской республики) возможен и иной вариант: усиление роли партий и приближение политической системы к образцам Центральной и Восточной Европы, а также Запада. Однако в любом случае (в силу инерционности изменения стереотипов национального мышления, политической культуры) за институтами, по внешним параметрам напоминающими западные, скорее всего будут проглядывать иные сущности, как это обычно происходит в странах неорганичного, догоняющего развития, имитирующего заимствованные модели.

Таким образом, при всех вариантах для России закрыт путь партийной демократии, когда партии играют роль основного субъекта политики и воплощения политической демократии*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 99-03-19875.